

Сегодня выходной день

СЕМЬЯ ДЮМИНЫХ

У кондуктора станции Бурск Дюмина дети рождались чуть ли не ежегодно. Ребят было так много, что у родителей даже не успевало их назвать, пришлось восьмого младенца назвать так же, как и старшего — Иваном.

Помимо двух Иванов, у Дюминых еще есть две Марии и было две Александры, но одна умерла.

Чтобы не путать одинаковых имен ребят, старшего Ивана звали Ваней, а младшего Ванничкой. Старшую Марию звали Марусей, а младшую Манничкой.

Семья жила дружно, все любили друг друга, помогали учиться. Старшие нянчили младших и едва кто-нибудь из малышей заболел, они тревожились не меньше родителей.

Сам отец, Андрей Иванович, подавал пример большого уважения к жене-матери. Он всегда относился к ней ласково, вежливо, называл ее не иначе, как «Тавочка», «Танечка».

Сейчас все дети Дюминых уже взрослые. Самая младшая — одиннадцатая по счету, Клавдия, окончила сельскохозяйственный техникум и работает агрономом. Павел и Степан — землемеры с большим стажем. Старшая Мария окончила педагогический техникум по дошкольному образованию. Сейчас работает воспитатель-

ницей детского сада Кировского поселка. Младшая Мария (Манничка) окончила медицинский техникум — сейчас в Судже акушеркой.

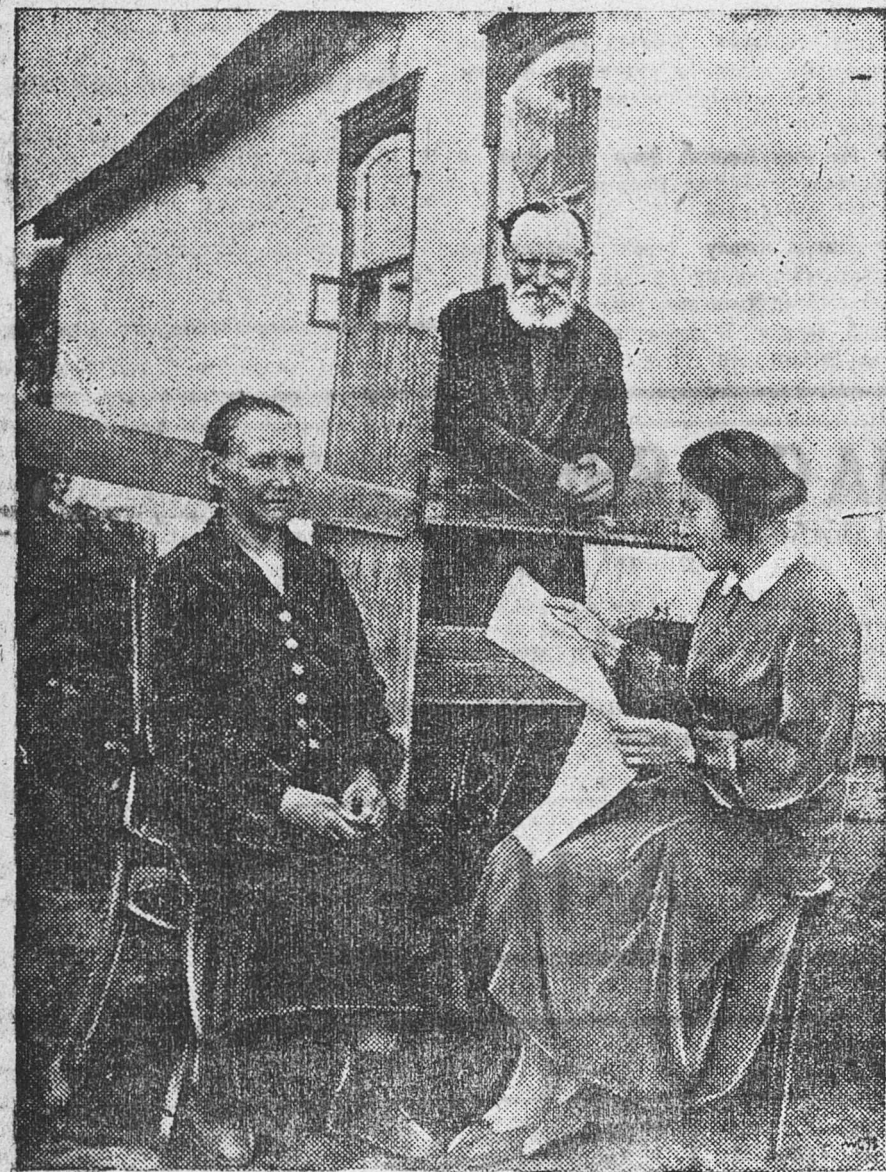
Младший Иван (Ванничка) окончил землеустроительный техникум, проработал несколько лет землемером и ушел учиться в харьковский институт инженеров транспорта. В следующем году он уже будет иметь диплом инженера.

Дочь Пелагея окончила педагогический техникум и сейчас насчитывает 13 лет педагогического стажа.

Сейчас дюминская семья разрослась настолько, что вместе с внуками насчитывается около 40 человек. Многие разехались в другие города, края. Самая старшая дочь живет в Харькове. Вторая в Воронеже. Самая последняя в Сибири. Землемеры — в районах Курской области.

И сыновья и дочери попрежнему любят своих родителей, всегда материально помогают им. Каждое лето кто-нибудь приезжает потосить в родительский дом.

Старик Дюмин, несмотря на свой солидный возраст (Ивану Андреевичу — 72 года, Татьяне Климентьевне — 62) еще очень бодр. Татьяна Климентьевна даже в лес за ягодами ходит. Недавно она выучилась у своих детей грамоте.

На снимке: Мария Дюмина читает своим родителям проект об отмене абортов.

А ЧТО У ВАС?

Сергей Михалков

Кто на лавочке сидел,
Кто на улице гулял,
Тот пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Галка села на заборе,
Кто-то вышел на чердак.
Вдруг сказал ребятам Боря
Просто так:

«А у меня в кармане гвоздь!
А у вас?»

«А у нас сегодня гости!
А у вас?»

«А у нас в квартире кошка
Родила вчера котят,
Котят выросли немножко.
А есть из бюджда не хотят!»

«А у нас на кухне газ!
А у вас?»

«А у нас водопровод!
Вот!»

«А из нашего окна
Площадь Красная видна,
А из вашего окошка
Только улица немножко!»

«А у нас огонь погас,
Это раз!
Грузовик привез дрова,
Это два!»

А в четвертых, наша мама
Отправляется в полет,
Потому, что наша мама
Называется — пилот!»

С лесенки ответил Вова:
«Мама — летчик?
Что ж такого?
Вот у Коли, например,
Мама милиционер!
А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры!
А у Ловы мама — повар!
Мама — летчик?
Что ж такого?»

«Всех важней, — сказала Ната, —
Мама вагоновожатый!
Потому, что до Запелы
Возит мама два прицепа!»

И спросила Нина тихо:
«Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьет?
Ну, конечно, не шьет!»

Летчик водит самолеты, —
Это очень хорошо!
Повар делает компоты, —
Это тоже хорошо!

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мама всякие нужны,
Мама всякие важны!

Рисунок художника Н. МАЛЫЦЕВА.

ЗАСТОЛЬНОЕ СЛОВО МАТЕРИ

Ф. БЕЛКИН.

Ты уже не можешь болро
Повернуться и стать прямо...
Ты на пашне и на жатве сыновей
Рожала, мама.

На голодных и немощных,
На пестриженных детей
Ты делила хлеба корку на одиннадцать
Частей.

И работая у князя за картофель, за
Полову,
Ты мечтала, моя мама, малышам
Купить корову...

Мы росли, смеясь и плача, беспор-
Точной голытьбой,
На щеках и на ресницах
Слез радости светлеют.

И с тобой терпели жажку,
Голод, заморозки, боли.

Время порохом дышало, цедо пулями
На поле,
Шли враги по всем дорогам на Совет-
скую страну.

И тогда ты провожала по три сына
На войну,

Провожала плотноплечих, а сама с
Переполохом
Ставовилась на колени перед самым
Саваофом.

Только бог
Сидел, что каменит,
Не слышал твою мольбу...

Приобрел, старушка-мама —
За столом родного дома —
Командиры, инженеры
И четыре агронома

Обнимались, смотрели в лица,
От волнения руки млеют;
На щеках и на ресницах
Слез радости светлеют.

По столу тарелка снежи ходят праз-
Вничной толпой;

Сыновья родную маму садят рядом
С собой,
Вспоминают о прошедшем и с широк-
ких скатертей

Поднимают за здоровье
Мамы
И таких же матерей.

РУКИ, ПРИГОВОРЕННЫЕ К БЕЗДЕЛЮ*)

Работу хотела бы я иметь, работу! — говорила она, размахивая в воздухе худыми руками, с выражением отчаяния на лице. — Тридцать пять лет я работала у «Маяко» и не знала ничего, кроме плакучего станка! А теперь? — ее голос сорвался и замер на какой-то неопределенной ноте.

За окнами жалкой хибарки Марии Гонцель ранние сумерки окутывали город Приказ, в котором жили только ткачи и ткачихи. Фабричные трубы, прикрытые сверху, чтобы дождь и ветер не разрушал их, громадные фабричные корпуса, приделанные, красильни, ткацкие... Мертво, все мертво, все сметено ураганом экономического кризиса, все исчезло в пучину капиталистической конкуренции.

Глаза на ее тощей шее напряглись:

— Знаете, еще мой отец был ткачом. И я... Тридцать пять лет поработала... она смотрела на свои руки, руки старой ткачихи, которые она не могла спокойно сложить на коленях. И почти прошептала:

— И вот эти руки приговорены к вечному безделю, они больше не могут прижаться к станку «шортрон», не могут сжимать разорванные нити.

Как призраки, стоят фабрики, закрытые десяти лет назад, машинные залы, ткацкие станки, частично проданные на слом, частично заржавевшие.

Ткачиха зажгла свет, и колеблющееся пламя свечи уныло озарило хозяйство Марии Гонцель: постели без покрывала, матрацы без простынь и ее, в старом-пестром, вытертом бумажном платье.

А в магазинах слишком много полотна, слишком много...

Работу хотела бы я иметь, работу! Голова кланится на руки, на локтевые руки ткачихи, которые десятки лет работали так быстро, так много... Так много, — но она, ткачиха Мария Гонцель, не имеет даже простынь для своей постели.

По асфальтированному шоссе, близ Радлине, мчатся легковые автомобили, грумывают тяжелые грузовики. Под крутым изгибом дороги, у кучи вырытой земли, зияет дыра. Отверстие завешено грубыми мешками из-под угля.

Мужчина, стоящий без пальто и пиджака, в одной рубашке, умоляюще складывает руки.

— Ради всего на свете, помогите!

На пещеры раздается хриплый звериный крик, и в гудки машин и шум моторов вылетает резкий плач новорожденного ребенка.

— И без меня обожжусь, — бормочет женщина у входа в пещеру, крепче сжимая в руках акушерский чемоданчик. И сложив голову бежит прочь от опасного места, которое каждую минуту может запышать его обитателей.

Женщина, только что родившая ребенка, много лет работала на кирпичном заводе, что стоит напротив ее теперешнего убежища. Она делала кирпичи, из которых строили прекрасные здания, до тех пор пока... производство не стало. «Из-за дороговизны рабочих рук», — говорили тогда, и грубые руки Каролины Оне, которые с тридцати лет лезли и сушили кирпичи, стали больше ненужны.

Снова мчатся автомобили. Снова дрожит шоссе.

Под железобетоном, за угольными мешками, на каменном, едва прикрытом ложе, лежит мать, Каролина Оне, работница кирпичного завода, со своим младенцем.

Сколько кирпичей сделали эти бледные руки, бесцельно лежащие на грязных тряпках!

Но их не хватило на дом для нее.

Франциска Паттак, крестьянка деревни Уж, знает только тяжелую работу и не

Женщина страны Советов — самая счастливая в мире. Иная жизнь у женщин капиталистических стран. На нее давит тройной гнет: бедность, нужды и церковь. Рисунок художника Фреда Элліса, помещенный выше, талантливо, правдиво изображает тяжелое положение женщины за рубежом.

завает лишнего, а тем более нежных слов. Но сегодня она как будто переменялась: сегодня она даже называет песенку, часто смотрит на яркое солнце, пригревающее душистые луга.

— Мой сынок, сынок мой...

Это наполовину песня, наполовину желание поделиться своим радостным настроением с мальчиком. Они оба работают. Борзны наполняются большими желтыми картофелем. Крестьянка не может удержаться, чтобы с видом знатока не вложить на руке особенно крупную картофелину, прежде чем бросить ее в корзину города Праги; в болезненно-влажных руках сматое об'явление. Нажат электрический звонок.

Взвук прекрасно понимает торжественность момента.

— Бабушка! Теперь не будет так, как в прошлом году. О нет, бабушка! Мы не будем больше голодать. Такая картошка!

От поля поднимается густой, приятный запах. Бабушка и внук, забывшая и расквашиваясь, идут рядком с тележкой. Они больше не думают о труде, вложенном в картошку, и о том, сколько им пришлось затратить, чтобы купить семена. Конечно, было тяжело, и она, Франциска Паттак, уже старая, а Иосиф еще не кончил школу. Но сейчас не хочется думать об этом. Не хочется думать и о последнем голодном годе, когда во всем доме не было ни одного куска хлеба. Сейчас они везут домой новую картошку, свою картошку!

— Кто это стоит там, перед их домиком? Такой хорошо одетый господин. Ждет их?

Маленький Иосиф начинает беспокоиться. Он уже знает, что от господ не бывает ничего хорошего:

— Бабушка, не хочет ли он...

Старуха Паттак хватается за сердце:

— Судебный исполнитель!

Она прыгает на телегу, бьет в плечу коню.

Судебный исполнитель хватается лошадей за удила.

— Без глупостей, или вы будете опозданы!

И молодая картошка крестьянки Франциски Паттак описана. Она переключает в зияющую пасть финансового управления.

Черные морщинистые руки крестьянки, держа, глядя голову мальчишка.

Труженические руки...

Вверх в высь по лестнице больших до-
— Простите, вы идите прислугу...

ФЕЛЬЕТОН

АЛИМЕНТЩИКИ

В городском саду было шумно и людно. Добрых полтаса я потрастил, прежде чем нашел свободное местечко.

Я оутлился рядом с симпатичным гражданном. Он внимательно читал законопроект правительства о запрещении абортов.

У меня мелькнула мальчишеская мысль разыграть алиментщика.

— Да, крепко теперь возьмется за нашего брата-алиментщика, — сказал я.

— Сочувствую, сочувствую, — добродушно отозвался мой сосед. — Теперь уже не отвертеться. Но, ничего. Давно пора подрезать вам крылышки.

Я молчал.

— Знаете, — заговорил мой сосед. — Сегодня в нашем учреждении произошел исключительный случай. Один наш работник, Спиридон Иванович Можайский, прочитав декрет, приподнялся из-за стола, как-то жалобно на всех посмотрел и воскликнул:

— Ну, Спиридоша, держись. Теперь-то уже тебя наверняка разыщут.

Вечером Спиридона Ивановича увезли в Сапогово. Стоя на пролетке, он размахивал руками и возбужденно кричал:

— Одной 30 процентов, другой 30 процентов, третьей 30 процентов, а мне что?

Потрясенный этим ужасным рассказом, я даже не заметил, как исчез мой добродушный сосед.

Вскоре мое внимание привлек средних лет мужчина. Чем-то приятно возбужденный, он насвистывал игривый мотив из «Байдерки».

Поровнявшись со мной, он вежливо приподнял шляпу и попросил разрешения сесть. Я разрешил и немедленно приступил к атаке.

— Вы, вероятно, уже читали законопроект об алиментных, — спросил я его. — Как вы его расцениваете?

— Проект прекрасный. Замечательный. Неповторимый. Я, знаете, уже послал своей бывшей жене слепное письмо. В нем я пишу: давай, мол, снова заживем вместе, довольно жить в разных концах Советского Союза, довольно сердиться, забудем о прошлом. С моей стороны все было только роковой ошибкой. Теперь я осознаю свой поступок и ты мне так же нравишься, как нравились в первый день женитьбы. Я хотел бы срочно сообщить тебе о ало-

ровье моих милых детей.

Поворачиваясь со своим жизнерадостным неизменным и отправился в другой конец сада. Здесь я наткнулся на какого-то мрачного гражданина. Он о чем-то сосредоточенно думал. Я подсел к нему и сразу же, как говорит, взял быка за рога.

— Теперь здорово возьмется за нашего брата-алиментщика.

Мое замечание осталось без ответа. Но я не терял надежды вызвать к жизни это мрачное существо. Я подсел к нему ближе и потихоньку спросил:

— Как вы думаете, если два года тюремного заключения, то со строгой изоляцией или нет.

Возвратясь по сторонам, мой новый знакомый так же потихоньку ответил: — Безусловно, со строгой. Теперь ника-куда не денешься. На две морские оты-пнут. Проклятые!

Я отправился в поиски за новым «жесткой». Мне повезло. На одной из скамеек сидел чем-то взволнованный мужчина. Шляпа на нем сехала набок. Глаза бесцельно и неподвижно смотрели в одну точку. В руках трепыхалась скромная газета. Я подсел к нему, заняв часть скамейки и грустно повторил уже заученную фразу:

— Да, теперь крепко возьмется за нашего брата-алиментщика.

Гражданин дико посмотрел на меня, вколотил со скамьи и закричал:

— Хватит, ради бога, хватит! Точно все сговорились. Неужели я так похож на алиментника?

ГЕН ИЛЬИН.

*) Из жизни зарубежных женщин.